

Ж. Абенсур

Культурный трансфер между Францией и эмигрантской Россией: притяжение, братство и отречение¹

В 1922 г. большевистское правительство обрекает на изгнание интеллектуальную элиту России — 160 писателей, мыслителей, ученых и богословов, которых вывезли на «философском пароходе»... Оказавшись в Берлине, многие русские эмигранты направились в Прагу или в Нью-Йорк. Некоторые, и их было не меньше, выбрали Париж. Однако, вопреки сложившемуся представлению, далеко не все знали французский язык (например А. Ремизов). Французы же редко владели русским. Это было действительным препятствием для начала плодотворного диалога, которого горячо желали все, кто считал, что русские и французы принадлежат одной культуре, что доказывает история взаимоотношений двух стран.

Такой неожиданный приток во Францию выдающихся представителей русской интеллигенции привел к возникновению невиданной в истории попытки братского диалога, символом которого стало создание в 1929 г. «Франко-русской студии».

Принужденные к изгнанию, эти представители интеллигенции создают свою творческую художественную структуру, которая находит выражение, в частности, в изданиях, считавших себя наследниками великих художественных журналов Серебряного века, таких как «Весы» и «Аполлон». Таковыми были притязания журнала «Числа». Элегантно оформленный, по широте тематического диапазона он подражает своим образцам и предлагает читателям собрание поэтических и прозаических произведений, созданных в эмиграции. К ним добавляются критические статьи о работах, опубликованных в Советском Союзе, и о современной французской литературе. Этот журнал, как и предшествующие ему, был богато иллюстрирован. Многочисленные вклеенные иллюстрации представляли лучшие произведения современных ху-

Жерар Абенсур,

профессор,

Национальный

институт восточных

языков и цивилизаций

(INALCO,
Париж, Франция)

дожников, как русских (Зинаида Серебрякова, Сергей Шаршун или Константин Терешкович), так и французских, в основном художников-импрессионистов.

Вновь созданный журнал — это новый «Аполлон», но тональность уже совсем другая. Русская эмиграция «сталкивается со всеми испытаниями земной жизни, в пустыне она приобретает опыт сомнения, бунтарства, но также и надежды»². Этим объясняется название журнала: «Числа» — книга Пятикнижия, озаглавленная «Бемидбар», что означает «в пустыне»... Его издание явилось продолжением франко-русских встреч, организованных в рамках «Франко-русской студии», ставшей трибуной для диалога между французскими и русскими интеллектуалами, по крайней мере теми, кто выбрал Францию как страну проживания. Эти публичные ежемесячные встречи привлекают посвященных слушателей. На каждом заседании весьма содержательные темы обсуждаются двумя лекторами, один из которых русский, а другой — француз.

«Студия» просуществовала совсем недолго, всего два сезона — с ноября 1929 г. по май 1930 г., затем с ноября 1930 г. по апрель 1931 г. Как мы увидим, несмотря на недолгую жизнь «Студии», она оказала существенное влияние на французскую мысль, обогатив ее прежде всего тем, что открыла ей существование в России хорошо выстроенной религиозной философии.

Стремление к диалогу нашло выражение в первую очередь в избранных темах:

- тема тревоги в литературе;
- взаимное влияние французской и русской литератур;
- творчество Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Пруста, А. Жида;
- роман (французский и русский) после 1918 г.;
- советская литература;
- Поль Валери;
- символизм (французский и русский);
- Р. Декарт, Ш. Пеги, духовное возрождение (во Франции и в России).

Среди выступавших с французской стороны отметим Рене Лалу, Станисласа Фюме, Луи Мартена-Шофье, Бенжамена Кремье, Жака Маритена; с русской стороны — Николая Бердяева, Георгия Адамовича, Владимира Вейдле, Нину Берберову, Георгия Федотова, Бориса Вышеславцева. В обсуждениях этих лекций принимали участие многие находившиеся в изгнании русские интеллигенты, а также представители молодой элиты французской литературы. На одно из заседаний, посвященное Полю Валери, поэт пришел лично, приняв участие в этой встрече.

Однако не стоит заблуждаться: эта открытость «другому» разделялась не всеми. Противостояние модернистов и антимодернистов, христианских демократов и католиков-традиционалистов явилось определенным препятствием к возможному диалогу. Об этом свидетельствует неприятный случай, спровоцированный Анри Массисом, сторонником

Морраса, крайним католиком и антимодернистом, в связи с лекцией Николая Бердяева об отношениях Востока и Запада³. Эти абстрактные концепты уводили дебаты от их цели — как можно лучше представить русскую мысль во Франции. Для Н. Бердяева Россия не смешивается с Востоком, поскольку она разделяет одинаковую с Западом христианскую культуру, ее предназначение — служить мостиком, связующим звеном, проводником от одного полюса к другому. Его противник, напротив, был убежден в превосходстве католического Запада с его порядком, наследием, полученным от Рима, над неуловимым и неструктурированным Востоком, где Россия, несмотря на свою связь с Византией, по его словам, всего лишь не заслуживающая внимания провинция, с которой напрасно и даже вредно вести диалог⁴.

К этому добавилось новое политическое измерение. Возникновение в Германии так называемого «национал-социалистического» движения разделяет русских так же, как оно разделяет французов. Намечается раскол между сторонниками демократии, интегрального (целостного) гуманизма, за который выступает Жак Маритен, и теми, кто исповедовал некую форму нигилизма, очарованного культом силы, его навязчивой идеей высшей расы, презрением к человеческой жизни. Говоря словами одного из участников дебатов, «на смену Гамлету, каким был эмигрант, приходит “каиново семя”». Соперничество между двумя братьями, заканчивающееся трагически, затронуло многие семьи, его роковое эхо докатилось до супругов Эфрон — Сергея и Марины.

На русских литераторов сильное влияние оказали два французских автора — Шарль Пеги и Марсель Пруст. Последнего приветствуют как создателя современной формы романа вслед за великими русскими писателями — Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. В творчестве М. Пруста русских литераторов поражает эстетическая виртуозность, острота зрения, описание современного мира, связанное с личными экзистенциальными поисками, тайны жизни и место, которое в ней занимает художественное творчество. Марина Цветаева ставит его почти на один уровень с А. С. Пушкиным. Престиж Ш. Пеги кажется еще более удивительным. Христианский поэт и драматург, художественная манера которого остается довольно классической, вписывается в русскую традицию, согласно которой искусство не может требовать автономии и должно быть прочно связано с общественной жизнью. Его роль — способствовать духовному развитию гражданина. В нем заключен тот союз писателя и политика, который сближает его с чаяниями русской интеллигенции. Со своей стороны, французы находятся под впечатлением от способности русских безбоязненно идти навстречу фундаментальным экзистенциальным проблемам, относиться без комплексов к религиозным вопросам, а эта область была практически запретной во французской литературе, мысли, университетах — светскость обязывает.

Надо признать очевидное: за исключением великих классиков, какими являются Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, у французов было лишь частичное и довольно смутное

представление о современной русской литературе, и еще меньшее — о религиозной мысли, которая особенно проявилась в начале века. И дело не в отсутствии любознательности, а в том, что переводились произведения, которые, к сожалению, охватывали далеко не все стороны русской литературы и философии. Во Франции не было никакого представления о том бурном поэтическом кипении, которое происходило как в России, так и в эмигрантской среде. Религиозная философия, «украшением» которой был Николай Бердяев, получила в России развитие, которое во Франции ни с чем не сравнить. Там не знали имен Льва Шестова, Семена Франка, Густава Шпета. Поэтому именно религиозные искания русских мыслителей нашли во Франции самую плодотворную почву. Жак Маритен и Станислас Фюме откликнулись на эти искания, которые заложили основы социального христианства и персонализма. Название «Эспри» («Дух»), выбранное Эммануэлем Мунье для своего журнала, явно отсылает нас к спиритуализму, которым проникнута русская религиозная философия.

Некоторые авторы задавались вопросом о возможности взаимовлияния литератур двух стран, в частности, о своеобразии литератур. Отвечая на вопрос о вкладе Марселя Пруста в русскую литературу, Сирин (Набоков) напомнил, что единственная точка пересечения — это стремление к универсальности, что присуще любой великой литературе: «Литературное влияние — темная и смутная вещь... Всякая страна живет по-своему, и всякий человек живет по-своему. Но есть кое-что вечное. Изображение этого вечного только и ценно. Прустовские люди жили всегда и везде»⁵.

Не все русские писатели разделяют мнение о превосходстве Марселя Пруста. По мнению Ивана Шмелева, «“о решающем влиянии” Пруста на литературу ближайшего будущего, в частности — на русскую литературу, нельзя никак говорить... Если не изменяет память, лучшее у него 2–3 страницы в “À l’ombre des jeunes filles en fleur” смерть моей бабушки. У нас есть “смерти” Андрея Болконского, Ивана Ильча, Илюшечки... Влиять на литературу значить вести ее. Для сего надо великую тревогу, великое душевное богатство. Куда приведет нас Пруст? Наша дорога столбовая, незачем уходить в аллеи для прогулок»⁶. В таких заявлениях пропасть между русской и французской культурами лишь углублялась.

Журнал «Числа», основанный Николаем Оцупом, учеником и поклонником Николая Гумилева, ставил своей целью продолжить диалог, начатый в «Студии» после прекращения ее деятельности. Журнал, издававшийся на русском языке, стремился укрепить чувство самобытности русской колонии, определить ее место внутри принимающей страны, помочь лучше понять это общество, так отличающееся от русского. Даже находясь вдали от Родины, молодые эмигрантские писатели вписывали свои произведения в непрерывный поток национальной литературы. Нет двух, но есть только одна русская литература.

Первая книга журнала «Числа» провозглашала убеждение в значимости этого диалога: «Двенадцать лет эмиграции составляют, если не по измерениям истории, то во всяком случае для каждой отдельной человеческой жизни, период достаточно длительный.

За это время мы многое увидели на Западе, мы поняли и почувствовали его иначе, нежели наши предшественники. Мы видели и видим как бы изнутри важнейшие из современных событий здешней жизни, например, если говорить только о литературе, развитие Пруста, утверждение его гения. Мы присутствуем при непрерывном впитывании Европой каких-то русских влияний и сами, каждый по мере сил, в какой-то, может быть, еле ощутимо, но все же несомненной степени этому помогаем»⁷. Таким образом Н. Оцуп определяет направление деятельности «Студии» и регулярно организует «вечера журнала “Числа”», некоторые из которых проводятся на французском. Так было, например, на встрече 26 января 1930 г., посвященной В. Розанову. Среди нескольких выступавших французов отметим Дриё ла Рошеля и Габриэля Марселя, русскую сторону представляли Борис де Шлёцер, Лев Шестов, Николай Бердяев, Юлия Сазонова, критик и поэт Георгий Адамович⁸.

Посвященная литературной критике рубрика «Чисел» была очень богатой. Наряду с рецензиями на работы советских авторов значительное место в ней занимала французская литература. Подборка из современной французской литературы была довольно эклектична: критики интересовались романами Марка Шадурна «Ева или прерванный дневник» (“Eve ou le journal interrompu”), «Любовь к ближнему» (“L’Amour du prochain”). В творчестве этого писателя, получившего в 1930 г. премию «Фемина», Юрий Фелзен находил какое-то родство с веяниями в русской литературе. Он писал: «Шадурн приводит точку зрения, понятную нам, русским, и для французов вряд ли приемлемую. Подобно Монтерлану, Шадурн — вне основного прустовского течения современной французской литературы»⁹. Критики не пренебрегали Жаном Жироду, чья пьеса «Интермеццо» (“Intermezzo”) была одобрительно принята Юрием Мандельштамом¹⁰. Можно все же задаться вопросом, чем оправдывается выбор таких произведений, как «Ответ Господа» (“La réponse du Seigneur”) Альфонса де Шатобриана¹¹, романы Жака де Лакретеля «Сабина» (“Sabine”) или «Помолвка» (“Les Fiançailles”)¹². Редакция журнала не пренебрегла даже весьма посредственным сборником новелл «Срок уплаты» (“L’Echéance”)¹³, написанных по-французски Дусей Эргаз, переводчицей с русского, в которых с юмором была описана жизнь русских эмигрантов во Франции. Самые оригинальные рецензии, такие как статья о «Путешествии на край ночи» (“Voyage au bout de la nuit”) Луи Фердинанда Селина, принадлежали Ю. Мандельштаму¹⁴ и Юлии Сазоновой — о «Королевской дороге» (“La Voie royale”) Андре Мальро¹⁵. Не были забыты философы и мыслители, идет ли речь о «Предательстве интеллектуалов» (“La Trahison des clercs”) Жюльена Бенда¹⁶ или об Анри Бергсоне, работа которого «Два источника морали и религии» (“Les deux sources de la morale et de la religion”)¹⁷ оказала большое влияние как на русскую мысль, так и на французские интеллектуальные круги.

Одним из положительных последствий сближения двух культур можно считать выход в издательстве «Галлимар» знаменитой серии под названием «Плеяда». В изящной обложке до сих пор публикуются академические издания произведений мировой литературы. Инициатором этого замечательного предприятия был русский любитель литературы Я. С. Шифрин. Под

его руководством было создано русско-французское художественное издательство, где были выпущены на французском языке иллюстрированные издания «Капитанский дочка», «Бориса Годунова», «Братьев Карамазовых». Впоследствии «Плеяда» перешла в издательство «Галлимар».

Социальные и политические потрясения 1930-х гг. оказали отрицательное влияние на попытки диалога между французскими мыслителями и русской эмиграцией, который оскудевает с прекращением издания журнала «Числа». Превосходный журнал «Новый путь» возобновит традиционные споры, которыми отмечена русская мысль еще с XIX в. Но теперь разработка идей, выходящих за пределы национальных культур и способных возвыситься до универсального, будет вестись только подспудно. Это прекрасно выразил один из двух инициаторов создания «Франко-русской студии» Всеволод де Вогт (настоящее имя — Всеволод Фохт)¹⁸, работавший журналистом в еженедельнике «Энтрансижан» (“l’Intransigeant”) после того, как он сражался с Красной Армией в рядах Добровольческой армии. «Возможно, вы не замечаете пока результат этих встреч и не заметите его ни завтра, ни послезавтра. Но однажды наступит день, когда вы его почувствуете (sic) как возможное и действительное понимание между Востоком и Западом, между Россией и Францией. Тот, кто говорит понимание, говорит сотрудничество»¹⁹.

Эти пророческие слова намечают путь, по которому сегодня идут сторонники взаимопонимания между двумя мирами культуры, подчиняющимися превратностям истории.

Перевод с французского Е. А. Легеньковой

¹ Доклад прочитан на XLIII Международной филологической конференции (Филологический факультет СПбГУ) 11–16 марта 2014 г. в рамках секции «Французские чтения». Программа на сайте: http://phil.spbu.ru/наука/konferencii/konferencii-2013-2014-goda/Programma_MFK_2014_itog.pdf

² L’Hour L. Nombres, introduction. Bayard, Paris, 2001. P. 2759.

³ Huitième réunion. 27 mai 1930. Le Studio franco-russe. Toronto Slavic Library, Toronto, 2005. P. 251 et sq.

⁴ Анри Массис в 1927 г. опубликовал работу с многозначительным названием «Защита Запада». Для него Андре Жид — это человек с «сатанинскими нравами», а Ромен Роллан — «предатель, вступающий в сделку с врагом».

⁵ Сириин В. [Анкета о Прусте] // Числа. Париж, 1930. Кн. 1. С. 274.

⁶ Шмелев И. [Анкета о Прусте] // Числа. 1930. Кн. 1. С. 278.

⁷ От редакции // Числа. 1930. Кн. 1. С. 5–6.

⁸ Вечера «Чисел» // Числа. 1930. Кн. 1. С. 252–253.

⁹ Ю. Ф. Marc Chadourne. Cecile de la Folie. [Рец.] // Числа. Париж, 1931. Кн. 4. С. 278.

¹⁰ Ю. М. [Рец.] // Числа. 1934. Кн. 10. С. 298.

¹¹ Там же.

¹² Сабина // Числа. 1932. Кн. 6; Помолвка // Числа. 1933. Кн. 9.

- ¹³ С. Т. [Рец.] // Числа. 1934. Кн. 10. С. 295.
- ¹⁴ Кельберин Л. L. F. Celine. Voyage au bout de la nuit. [Рец.] // Числа. 1933. Кн. 9. С. 223.
- ¹⁵ Сазонова Ю. Andre Malraux. La voie royale. [Рец.] // Числа. 1931. Кн. 4. С. 277.
- ¹⁶ Волин Ю. Жюльен Бенда и молодежь его века // Числа. 1932. Кн. 6. С. 268–270.
- ¹⁷ Кельберин Л. Henri Bergson. Les deux sources de la morale et de la religion. [Рец.] // Числа. 1932. Кн. 6. С. 265–266.
- ¹⁸ Вторым инициатором был Робер Себастьян (Robert Sébastien, род. в 1903), молодой французский поэт и романист, вышедший из кружка Жака Маритена.
- ¹⁹ Le Studio franco-russe. Toronto Slavic Library, Toronto, 2005. P. 284.

УДК 821.161.1 + 94(44)

Абенсур Ж. Культурный трансфер между Францией и эмигрантской Россией: притяжение, братство и отречение // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 174–181.

АННОТАЦИЯ: После изгнания из Советского Союза в 1922 г. российская эмигрантская творческая интеллигенция предпринимает значительные усилия для установления диалога с французскими интеллектуалами. Символом такого диалога стало создание «Франко-русской студии»: 14 встреч за период с 1929 по 1931 г., в которых приняли участие, в том числе, Станислас Фюме и Жак Маритен с французской стороны и Б. Зайцев, Б. Поплавский, Н. Берберова, Н. Бердяев, Г. Федотов — с российской. Несмотря на сравнительно короткое время существования «студии», она оказала сильное влияние на развитие франко-русского культурного диалога, в частности открыла для французов русскую религиозную философию. Важно отметить, что желание диалога с представителями русской эмиграции разделялось не всеми представителями французской интеллигенции — в частности, особенно остро воспринимались идеи Николая Бердяева о Востоке и Западе. Основанный учеником Николая Гумилева поэтом Н. Оцупом журнал «Числа» пытался продолжить дело, начатое во «Франко-русской студии». Выходивший в период с 1932 по 1934 г. журнал стремился к утверждению русской литературы в контексте французской культуры («Парижская нота»). Уже много позже эти две попытки диалога дали свои плоды: появление персонализма в философии и христианско-демократического движения в политике. После закрытия журнала в 1934 г. диалог между французской и русской эмигрантской культурами ослабевает, хотя дело «Чисел» пытался продолжить журнал «Новый путь».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозная философия, персонализм, христианская демократия, Н. А. Бердяев, Н. А. Оцуп.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: профессор, Национальный институт восточных языков и цивилизаций (INALCO, Париж, Франция); gerard.abensour@sfr.fr

Abensour G. Cultural transfer between France and the Russian emigre: attraction, brotherhood and renunciation

ABSTRACT: After the expulsion from the Soviet Union in 1922 Russian intellectuals making significant efforts to establish a dialogue with French intellectuals. The symbol of this dialogue was the creation of "Franco-Russian studio": 14 meetings in the period

from 1929 to 1931 were attended. In it took part including Stanislas Fumé and Jacques Maritain on the French side and B. Zaitsev, B. Poplawski, N. Berberova, N. Berdyaev, G. Fedotov from the Russian side. Although the “studia” existed only several years, it had serious influence on Russian-French cultural dialogue development, especially by opening Russian religious philosophy to French. Though it is necessary to mention that not all French intellectuals were friendly to this dialogue – for example, Nikolay Berdiev’s view on East and West were not perceived by all. Journal “Chisla” (“Numbers”), based by poet N. Otsup, from 1932 to 1934 seeks to strengthening of positions of Russian literature in the context of French culture (“Paris Note”). Much later these two attempts at dialogue have borne results: the emergence of personalism in philosophy and the Christian Democratic Movement in politics. After the closing of “Chisla” the dialog between French and Russian emigrant cultures weakens, though the “Noviy Put” (“New path”) journal made efforts on its development.

KEYWORDS: Religious philosophy, personalism, Christian Democracy, N. A. Berdyaev, N. A. Otsup.

AUTHOR: Professor, National Institute of Oriental Language and Civilization (INALCO, Paris, France); gerard.abensour@sfr.fr

REFERENCES:

¹ L’Hour L. *Nombres, introduction* (Paris, 2001).

² *Huitième réunion. 27 mai 1930. Le Studio franco-russe* (Toronto, 2005).

³ Sirin V. ‘[Anketa o Pruste]’ in *Chisla*, Book 1 (Paris, 1930).

⁴ Shmelev I. ‘[Anketa o Pruste]’ in *Chisla*, Book 1 (Paris, 1930).

⁵ Kelberin L. ‘L. F. Celine. Voyage au bout de la nuit’ in *Chisla*, Book 9 (Paris, 1933).

⁶ Sazonova Yu. ‘Andre Malraux. La voie royale’ in *Chisla*, Book 4 (Paris, 1931).

⁷ Volin Yu. ‘Julien Benda i molodezh ego veka’ in *Chisla*, Book 6 (Paris, 1932).

⁸ Kelberin L. ‘Henri Bergson. Les deux sources de la morale et de la religion’ in *Chisla*, Book 6 (Paris, 1932).